

УДК 398.32

DOI 10.30914/2072-6783-2023-17-4-583-592

ОЧЕРК Н. АКСАКОВОЙ «ОТШЕЛЬНИК 1-Й ЧЕТВЕРТИ XIX СТОЛЕТИЯ И ПАЛОМНИКИ ЕГО ВРЕМЕНИ» В КОНТЕКСТЕ ПРИЖИЗНЕННЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ О СЕРАФИМЕ САРОВСКОМ И ПАЛОМНИЧЕСКИХ ОЧЕРКОВ В САРОВСКУЮ ПУСТЫНЬ XIX–XX ВЕКОВ**Ю. М. Шеваренкова***Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация*

Аннотация. Введение. В настоящее время в отечественной филологической науке заметен повышенный интерес к малоизвестным широкому читателю или забытым разделам и текстам русской литературы, к «непрофессиональной» литературе, а также к пограничным жанровым явлениям. Одним из таких разделов является паломническая литература – повествования о посещении путешественниками православных центров, прежде всего монастырей. Эта литература прошла долгий путь от средневековых хождений до историко-бытовых автобиографических очерков и составляет весомый пласт духовной литературы познавательной и назидательной направленности. **Цель работы** – анализ автобиографического очерка Н. Аксаковой «Отшельник 1-й четверти XIX столетия и паломники его времени» с точки зрения жанра, особенностей автобиографизма и повествования от лица героя-ребенка. **Материалы и методы.** Теоретической базой статьи послужили исследования современных российских литературоведов, занимающихся изучением дискурса, структуры и поэтики травелога, паломнической литературы XIX–XX вв. разных регионов России (О. Н. Александровой-Осокиной, Н. В. Константинова, Н. В. Коржиковой, Е. Г. Милогиной и др.), локального текста русской литературы. Основные методы исследования – культурно-исторический, сравнительный, аналитический, текстологический. **Результаты исследования, обсуждения.** В процессе анализа очерка Н. Аксаковой выявляется жанровая специфика текста – элементы паломнического очерка, автобиографического рассказа и «свидетельств очевидцев» о прижизненных встречах с Серафимом Саровским. Особое внимание уделяется анализу образа святого с точки зрения соотношения его художественного решения с агиографическим каноном и околоцерковной литературой о прижизненных встречах с ним. Исследование позволяет выявить умение автора переключать ракурс повествования, чередуя детский взгляд на события и аналитическую позицию автора. **Заключение.** Проведенная работа позволила увидеть нетрадиционность решения в очерке образа Серафима Саровского. Автор отступает от агиографического канона этикетного изображения святого и создает реалистический, контрастный художественный образ, показывая героя в разной обстановке и в разном качестве: испуганный старик, гостеприимный монах, печальный провидец. Жанр паломнического очерка является лишь внешней формой организации текста, автобиографическое начало позволяет автору показать историю глазами и чувствами ребенка.

Ключевые слова: Серафим Саровский, духовная литература, автобиографический текст, паломнический очерк, воспоминания, портрет

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шеваренкова Ю. М. Очерк Н. Аксаковой «Отшельник 1-й четверти XIX столетия и паломники его времени» в контексте прижизненных свидетельств о Серафиме Саровском и паломнических очерков в Саровскую пустынь XIX–XX веков // Вестник Марийского государственного университета. 2023. Т. 17. № 4. С. 583–592. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-4-583-592>

N. AKSAKOVA'S ESSAY "THE HERMIT OF THE 1ST QUARTER OF THE 19TH CENTURY AND THE PILGRIMS OF HIS TIME" IN THE CONTEXT OF LIFETIME EVIDENCE OF SERAPHIM OF SAROV AND PILGRIMAGE ESSAYS TO THE SAROV HERMITAGE OF THE 19TH – 20TH CENTURIES**Yu. M. Shevarenkova***National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

Abstract. Introduction. Currently, in Russian philological science there is an increased interest in little-known or forgotten sections and texts of Russian literature, in "non-professional" literature, as well as in borderline genre

phenomena. One of these sections is pilgrimage literature – stories about travelers' visits to significant Orthodox centers (monasteries). This literature has come a long way from medieval walking to historical and everyday autobiographical essays and makes up the majority of spiritual literature with an educational and edifying orientation. **The purpose** of the work is to analyze the autobiographical essay by N. Aksakova “The Hermit of the 1st quarter of the 19th century and the pilgrims of his time” from the point of view of genre, features of autobiography and narration on behalf of the child hero. **Materials and methods.** The theoretical basis of the article was the research of modern Russian literary scholars engaged in the study of the discourse, structure and poetics of travelogue, pilgrimage literature of the 19th-20th centuries of different regions of Russia (O. N. Alexandrova-Osokina, N. V. Konstantinov, N. V. Korzhikova, E. G. Milyugina, et al.), local text of Russian literature. The main research methods are cultural-historical, comparative-analytical, textual. **Research results, discussion.** In the process of analyzing N. Aksakova's essay, the genre specificity of the text is revealed – elements of a pilgrimage essay, an autobiographical story and “eyewitness accounts” about lifetime meetings with Seraphim of Sarov. Particular attention is paid to the analysis of the image of the saint from the point of view of the relationship of his artistic solution with the hagiographic canon and church literature about lifetime encounters with him. The study allows us to demonstrate the author's ability to switch the narrative perspective, alternating a child's view of events and the author's analytical position. **Conclusion.** The work carried out made it possible to see the atypical character of Seraphim of Sarov in the story. The author departs from the hagiographic etiquette image of the saint and creates a realistic, contrasting artistic image, showing the hero in different settings and in different qualities: Seraphim is shown as a frightened old man, a hospitable monk, a sad seer. The genre of the pilgrimage essay is only an external form of organization of the text; the autobiographical beginning allows the author to show the story through the eyes and feelings of a child.

Keywords: Seraphim of Sarov, spiritual literature, autobiographical text, pilgrimage essay, memoirs, portrait

The author declares no conflict of interest.

For citation: *Shevarenkova Yu. M.* N. Aksakova's essay “The Hermit of the 1st quarter of the 19th century and the pilgrims of his time” in the context of lifetime evidence of Seraphim of Sarov and pilgrimage essays to the Sarov Hermitage of the 19th – 20th centuries. *Vestnik of the Mari State University*, 2023, vol. 17, no. 4, pp. 583–592. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-4-583-592>

Введение

Пути развития многослойной русской литературы Нового времени определялись не только текстами, идеями и художественными открытиями гениев русской классики, но и большим количеством малоизвестных читателю и исследователю пластов литературы и имен непрофессиональных авторов, представителей самых разных родов деятельности и социальных слоев. Так, к боковой ветви русской литературы можно отнести околоцерковную духовную литературу, ориентированную на православного читателя, желающего не занимательного чтения, не яркого сюжета с придуманными героями, а погружения в мир церковной истории и современных церковных событий, святых героев и сакральных локусов. Несмотря на интерес к духовным темам у многих русских писателей (А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого и мн. др.), духовная литература в массе своей была создана именно в непрофессиональной писательской среде. Ее авторы не позиционировали себя как писатели, не

стремились к писательской славе и оставили после себя порою очень скромное литературное наследие, зачастую став авторами нескольких текстов, напечатанных в региональных или столичных изданиях. В рамках этой духовной литературы, но на обочине «большого» литературного процесса развитие получила мемуарно-автобиографическая паломническая проза – записки, воспоминания, путевые и паломнические очерки.

Важной частью жизни религиозного православного человека являются поездки по святым местам, прежде всего монастырям. В Древней Руси они носили преимущественно одиночный характер и были распространены в церковной среде, с конца XVIII в. они постепенно захватывают и мирян. В XIX в. светские паломничества развиваются быстрыми темпами и приобретают даже туристический характер. Знаковыми центрами праздничных и внекалендарных паломничеств в XIX в. и первой трети XX в. были Оптина пустынь, Валаам, Соловецкий монастырь и многие другие. На протяжении целого столетия (20-е гг.

XIX в. – 20-е гг. XX в.) одним из значимых центров православного и светского паломничества, а вместе с тем и объектом художественного осмысления стал мужской монастырь Саровская пустынь, основанный в 1705 г. и в разное время входящий в состав Нижегородской и Тамбовской епархий. С середины 20-х гг. XIX в. она приобретает известность благодаря имени монаха Серафима Саровского (1754–1833). Он появляется в монастыре в 1778 г., в 1810 г. в возрасте 56 лет получает от настоятеля разрешение уйти из монастыря в лес, где строит для себя келью и живет в ней 15 лет молчалиником и затворником. В 1825 г. Серафим выходит из затвора, перебирается ближе к монастырю и берет на себя духовный подвиг старчества – духовного наставничества монашествующих и мирян. Выход из затвора открывает Серафима Саровского миру людей. О размахе известности и почитания старца как провидца, лекаря и чудотворца уже в 20–30-е гг. XIX в. говорят многочисленные воспоминания паломников¹. В 1903 г. Серафим был канонизирован (его мощи пребывали в Саровской пустыни до ее закрытия в 1927 г.).

С расширением паломнического интереса к Саровской пустыни уже с 30-х гг. XIX в. возникает своего рода культурный «феномен Сарова», в литературном смысле выразившийся в появлении разнообразных текстов о Серафиме Саровском и Саровском монастыре. Все произведения о Саровской пустыни соотносятся с так называемой путевой литературой (травелогом). В настоящее время в литературоведении заметен необычайный научный интерес к дискурсу травелога [1–8], исследуются документальная и художественная составляющая «литературы путешествий», ее жанровое многообразие, связь с локальными текстами русской литературы. Травелог – сложное литературное явление, находящееся на перекрестке нескольких жанров литературы – паломнического очерка, путевых записок, путеводителя, автобиографического очерка, он сочетает в себе исторические экскурсы и фантастическое начало, а его основу составляет «описание путешествия или литературное изложение опыта путешественника» [4, с. 86].

Методы и материалы

Объектом внимания в данной статье является рассказ Надежды Аксаковой «Отшельник 1-й чет-

¹ Новые чудеса преподобного Серафима Саровского: свидетельства и размышления. М. : Глагол, 2006.

верти XIX столетия и паломники его времени»², впервые изданный в 1903 г. в Вильне. О самой Н. Аксаковой сведений почти нет: известно, что она родилась в 1822 г. в Нижегородской губернии и впоследствии стала монахиней Шамординской обители под Калугой, основанной старцем Оптиной пустыни Амвросием. В списке публицистических и художественных текстов о Серафиме и Саровской пустыни, по большей части написанных разными как малоизвестными авторами, так и известными духовными русскими писателями в период Саровских торжеств 1903 г. и последующих двух десятилетий активной церковной памяти о святом Серафиме, текст Н. Аксаковой выглядит скромным и незаметным, однако и его художественные достоинства, и его содержание делают рассказ достойным отдельного литературоведческого внимания. Методы исследования: культурно-исторический, сравнительный, аналитический, текстологический.

Цель

Текст Н. Аксаковой может быть отнесен к травелогам, с жанровой точки зрения в нем переплетаются элементы автобиографического художественного повествования, документальных «свидетельств» о прижизненных встречах с Серафимом Саровским и паломнического очерка. Анализ жанровой природы и поэтики текста (специфики автобиографизма, образа святого, детского взгляда на мир повествователя) является целью данного исследования.

Результаты исследования

Весомую часть текстов о посещении Саровского монастыря составляют воспоминания о прижизненных встречах с Серафимом Саровским³: они написаны людьми светскими и церковными, но при этом достаточно однотипны, построены на описании встречи-беседы (итог встречи со старцем – получение наставления, совета, нового знания, духовного прозрения) или встречи-исцеления (итог встречи – избавление от

² Аксакова Н. «Отшельник 1-й четверти XIX столетия и паломники его времени. Из детских воспоминаний о преподобном Серафиме Саровском» // Вспоминая с любовью. Преподобный Серафим, Саров, Дивеево глазами паломников XIX–XX вв. М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2007. С. 7–22.

³ Преподобный Серафим Саровский в воспоминаниях современников. М. : Ковчег, 2011.

телесного недуга). Автобиографическая форма воспоминания (припоминания «за давностью лет») также служит внешней конвой текста Н. Аксаковой, позволяя автору встроить свои «показания очевидца» в «юбилейную» тематику 1903 г., года канонизации Преподобного, и объяснить читателю идею написания текста желанием влить свой скромный голос в большую праздничную саровскую тему, быть причастной великому событию и личности святого: «На этих днях Церковь и народ православной России, с Царской семьей во главе, благоговейно отпраздновали давно ожидаемое великое духовное торжество – открытие мощей преподобного Серафима. <...> Толки о радостном событии невольно вызывают в памяти картины давно, давно минувших дней моего детства: прошедшее словно оживает передо мной». А вот с точки зрения композиции сюжета в тексте Н. Аксаковой угадываются отдельные значимые составляющие паломнического очерка. «К отличительным формальным признакам паломнического жанра можно отнести четко фиксированную структуру. Текст начинается вступлением, где объясняются причины и цель странствия. Далее следуют описания самого пути и испытаний, которым подвергался пилигрим. <...> Паломнические тексты были призваны выполнять роль своеобразных путеводителей для последователей-пилигримов, которые решились бы повторить маршрут паломника. Это побудило повествователей уделять пристальное внимание рельефу местности, природным ориентирам, особенностям расположения сакральных объектов, конкретному местонахождению реликвий и пр.» [7, с. 217].

В тексте Н. Аксаковой мы наблюдаем постоянную смену повествователей, когда взрослый рассказчик и наблюдатель-ребенок попеременно излагают и оценивают увиденное. Взрослый рассказчик пробегает по основным формальным аккордам жанра паломнического очерка и оформляет осколки своих детских воспоминаний по его модели. Так, в самом начале повествования присутствует обязательный элемент «путевой прозы» XIX в., который Н. В. Константинова назвала «предуведомление к читателю» – в нем автор подчеркивает «любительский характер записок» [5, с. 142]: «Вероятно, очень немного нового прибавят мои воспоминания к тому, что уже известно о житии и подвигах преподобного Серафима, но, мне кажется, личные показания очевидца должны

иметь в настоящее время некоторое значение, а потому мне хочется рассказать, насколько я могу припомнить, о том, чему я была свидетельницей...». Такой пассаж напоминает и скрытую форму самоуничтожения («недостойный» автор берется за описание высокой темы), как известно, являющейся обязательной вводной частью агиографического канона. В произведении не раз повторяется отсылка к слабой памяти взрослого человека («насколько я могу припомнить», «не могу припомнить за дальностью времени», «что-то не могу припомнить», «как мы провели остаток дня – не помню» и др.), что позволяет автору многократно извиниться перед читателем. Кроме того, взрослый рассказчик помещает свое «припоминание» в контекст эпохи 1830-х гг. («еще свежи были в памяти каждого ужасы двенадцатого года», «затем пошли радости освобождения, ликования и торжества неслыханных побед», «незадолго до описываемых событий над страной стряслась новая общественная беда: случился первый грозный натиск неведомой до тех пор азиатской гостыи – холеры»), дает в начале своего рассказа короткую собирательную этнографическую зарисовку нижегородских деревень и ночевки в крестьянской избе («помню ночевки в громадных селах богатого, зажиточного края», «смотришь спросонья – а бабы все прядут»), констатирует размах паломнического движения («после каждого привала все длиннее становился поезд саровских богомольцев»), предельно кратко описывает монастырскую трапезу и монастырскую гостиницу – эти обобщения и обозначение узловых точек дороги являются маркерами жанра паломнического очерка.

«Паломническая проза, соединяя в себе элементы путешествия, путеводителя, историко-религиозного повествования, комментирует все пункты маршрута фактами из Священного писания, таким образом, складывается особый тип историко-географического очеркового повествования, где священная топография становится содержательной, ценностной и эстетической характеристикой священного хронотопа» [2, с. 11]. Этот священный хронотоп организуется не просто как географическая и бытовая локация, он осмыслен местом пересечения прошлого и настоящего, истории, данного момента и вечности – это своего рода райское место. Но подробного описания дороги и дорожных тягот как трудной, но важной части духовного пути богомольца к святыням в тексте нет, как нет в нем и

описаний сакральной топики Саровской пустыни и впечатлений паломника от ее лицезрения. Объясняется это просто: припоминает события ребенок, но точные картинки почти стерлись в его памяти, да и фиксация деталей внешнего мира (дороги в монастырь, самого монастыря) не является для него самоцелью, поэтому и событийный ряд в этом автобиографическом очерке менее важен: документальное уступает место эмоциональному, детализация – общим впечатлениям. Объясняется это и особым «соотношением «крупного» и «общего» плана»¹, характерного детскому взгляду на мир: ребенок видит близкое и большое – то, что непосредственно взаимодействует с ним. Так, вместо обязательных в путевом очерке дорожных подробностей – размытый в памяти ребенка образ «большой дороги», «сыпучих песков», «грозного хвойного леса»; вместо этнографических дорожных зарисовок наблюдательного паломника – собирательный образ «привалов у лесной опушки с кострами около ручья» и «ночевки в громадных селах»; вместо подробного описания монастыря – набор визуальных и акустических деталей, которые не складываются в общую картину, но свидетельствуют о тревожном состоянии ребенка-наблюдателя («длинный стол направо» в трапезной, «тускло освещенные своды», «шарканье по каменному полу туфель служек», «нескончаемые темные переходы» и «толстая каменная стена» монастырской гостиницы). Беглое описание дороги и монастыря в структуре произведения представляет собой своего рода растянутую экспозицию, за которой следует центральная часть текста Н. Аксаковой – описание четырех встреч с Серафимом Саровским. Их анализ и станет нашей главной задачей.

Как известно, изображение святого в агиографии подчинено принципам идеализации и абстрагирования. Жития в этом смысле сродни иконе, поскольку рисуют образ универсальный, вневременный, духовный; индивидуальное во внешнем и внутреннем облике святого не первоначально, уступает место нравственным качествам – аскетичности, трудолюбию, бескорыстию, молитвенности. Пребывая в мире земном, материальном, святой редко изображается в точном историческом контексте, как и в контексте социально-бытовом. Не важно, где находится

святой в социальной или церковной иерархии (князь-воин, монах), или даже стоит вне ее (юродивый, пустынный), он в первую очередь наделяется агиографом христианскими добродетелями. Подвижническая жизнь праведника определяет и сюжетную стратегию жития – описание его духовных подвигов и чудотворений. Духовная литература Нового времени (не только жития), отойдя на периферию литературного процесса, в тень *художественной* литературы, переняла агиографический средневековый канон схематичного изображения святого. В литературе о Саровском монастыре он проявляется, в частности, в «свидетельствах очевидцев», повествующих о прижизненных встречах их авторов с Серафимом². Их отличает стандартная композиция, развивающаяся по сценарию «проблема – встреча – результат»: повествователь совершает поездку к старцу в Пустынь с целью получить индивидуальную аудиенцию (мотивацией поездки служит личная кризисная жизненная ситуация – болезнь, душевное состояние, неразрешимая проблема), встречается с ним (чаще всего в его монастырской келье), итогом встречи становится перерождение автора (он получает благословение/утешение/совет/подарок/исцеление). Сам Серафим показан в таких рассказах через свою функцию – он пастырь и врачеватель страждущих, чудотворец и прозорливец. Образ идеализирован, портретные «детали» отсутствуют или минимализированы, подменяются нравственными качествами. С этой точки зрения образ Серафима в очерке Н. Аксаковой выглядит нетипичным – живым и осязаемым, он предстает перед читателем в «земном контексте» и через восприятие ребенка-повествователя, а благоговейная интонация авторов житий и «свидетельств» прижизненных чудотворений Серафима уступает место легкому юмору и непринужденному тону.

В центре повествования Н. Аксаковой – четыре встречи с Серафимом: одна – в лесу (условно «лесная»), другая – в его келье («желейная»), третья – в монастыре, четвертая – пророческая. Все они отличаются по стилистике, антуражу и по обрисовке главного героя. Пейзаж, портрет, бытовые детали, формы поведения героя, его речь становятся средствами характерологии Серафима.

Описание первой встречи с Преподобным строится на контрастах и переключениях – с высокого

¹ Лапонина Л. В. Мир глазами ребенка в рассказах А. П. Чехова 1880-х гг. // Русская словесность. 2005. № 8. С. 25.

² Там же.

на сниженное, с монастырской темы на бытовую, а документальное очерковое начало уступает место художественному видению ситуации. Описание встречи предваряют безуспешные поиски старца в монастыре (они заканчиваются констатацией его «пропажи» просторечным словом «Убёг»). Бегство Серафима станет лейтмотивом этой первой встречи. Л. В. Лапоница одну из форм воплощения детского взгляда на мир в художественном тексте считает специфику пространственно-временных координат. «Время и пространство воспринимаются оценочно, хроно-топ может быть добрым и злым, своим и чужим, светлым и темным (в прямом и одновременно в переносном смысле), идеальным (существующим в мечтах) и реальным; часто эти признаки совмещаются»¹. Частью художественного мира «лесного» эпизода является пейзаж и реакции на него городского ребенка: «лес становился все гуще и рослее», «нас все более и более охватывало лесной сыростью, лесным затишьем и терпким непривычным запахом сосны», «весело нам было сначала бежать нам одним, совсем одним; без присмотра и без надзора бежать по мягкому, бархатному слою сыпучего песка», «под высокими сводами громадных елей становилось совсем темно». Красивый, добрый лес с непривычными запахами тут же становится страшным, огромным, восторг и ощущение свободы сменяется в ребенке-повествователе чувством одиночества: «Хотелось плакать...» (но уже скоро внешность и радушие Серафима снова преобразуют мир, делают пространство вокруг героя добрым, открытым, безопасным).

Основная тема встречи – Серафим и толпа, Серафим и дети. Раскрывается она динамично – от поисков старца толпой богомольцев, бегства от них Серафима до всеобщей радости. Автор дает индивидуализированный, реалистичный и довольно сниженный портрет святого: «Смоченные трудовым потом желтоватые волосы пустытника мягкими прядями лежали на высоком лбу: искусанное лесной мошкаркой лицо его пестрело запекшимися в морщинах каплями крови. Непригляден был вид лесного отшельника». Перед нами не статичный, а динамичный портрет, и его детали разбросаны по всему эпизоду: «низенький, худенький», «худенькая грудь», «стар-

ческая голова», «плечо покрыто рубищем», «skonфуженный тон», «шел один, слегка прихрамывающий», «работает, пригнувшись чуть ли не к самой земле», «старик тихо крестился», «заморгал добренькими глазками». В этих деталях отсутствует агиографическая трафаретность и иконографическая статичность изображения святого, перед нами – живой человек, неприглядного и болезненного вида работающий старик. У автора нет задачи причесать образ «старика» Серафима под церковные стандарты и каноническое восприятие святого. Поведение старца при виде шумящей толпы богомольцев также далеко от канонического: «Заслышав шорох в лесу, старичок быстро поднялся, насторожив ухо к стороне монастыря, и затем, точно спугнутый заяц, проворно шархнул к чаще леса. Но не успел добежать, запыхался, робко оглянулся. Юркнул в густую траву недорезанной им куртины и скрылся у нас из вида». Житийное затворничество Серафима в саровском лесу превращается в данном рассказе в буквальном смысле в бегство от людей и сидение в траве «в засаде», и в этом смысле оно лишено духовной высоты. Взрослый автор хотел быть причастным торжественному хору прославляющих канонизацию Преподобного, делает это наивными и честными глазами ребенка, оформляя картинку из прошлого в художественное полотно. Одним из проявлений художественности является в тексте принцип контраста, он позволяет с разных сторон показать главного героя. Переключение ракурсов, в которых читатель видит Серафима, происходит мгновенно: вслед за испуганным бегством старца мы видим, что он вступает с детьми в молчаливый диалог взглядами и жестами, потом обнимает их, предлагает угощения.

В «свидетельствах» о прижизненных встречах с Серафимом (мы уж говорили о них) важной темой становится получение от старца ответа на свой запрос (этот запрос – болезнь, проблема), а в финале истории подчеркивается его реализация, чем удостоверяется прозорливость святого. Запрос непрощенных гостей-богомольцев прост – «посмотреть и послушать», а в качестве духовного ответа Серафим рассказывает аллегорию со срезанным и вновь прорастающим луком, который напоминает о бренности жизни, но и вечной жизни: «опечаленным» богомольцам, таким образом, достаются добрые слова утешения. Общая литературная модель «свидетельств» здесь явно

¹ Лапоница Л. В. Мир глазами ребенка в рассказах А. П. Чехова 1880-х гг. // Русская словесность. 2005. № 8. С. 25.

угадывается. Встреча в лесу завершается тем же, с чего она началась, – с неожиданного исчезновения старца в кустах. Эффект «лесной» сцены – показать не святость, а обыденность, не величие, а простоту, не богоподобную, небесную, а человеческую, земную сущность Серафима. Интересно, что для номинации Серафима Н. Аксакова использует перифразы «лесной» тематики – «лесной отшельник», «подвижник муромских лесов», «дровосек муромских лесов».

Интересно, что нестандартное поведение Серафима раскрывает и естественное поведение героя-ребенка: рядом с ним детям можно бегать по лесу, радоваться, самого старца можно обнимать, он и сам с радостью обнимает «ребятню», не пресекает их свободы. Итогом становится реплика одного из детей: «Ведь отец Серафим только кажется старичком, а на самом деле он такое же дитя, как ты да я». Чужое детское «наблюдение» Н. Аксакова переводит в собственные пафосные размышления себя-взрослого: «Никогда с тех пор не видала я таких детско-ясных, старчески прекрасных глаз, как те, что в то утро так умильно смотрели на нас из-за высоких стеблей травы. В них было целое откровение любви... Улыбку же, покрывшую это морщинистое изнуренное лицо, могу сравнить разве только с улыбкой спящего новорожденного, когда, по словам няnek, его еще тешат во сне... ангелы». Через уподобление лица Серафима (старческих глаз, «морщинистого изнуренного» лица, открытой улыбки) чертам ребенка и ангела только что достигнутое автором реалистическое снижение героя переходит в его стилистическое и нравственное возвышение: принцип контраста снова срабатывает.

Вторая встреча автора с Серафимом описана кратко, происходит она уже в его монастырской келье и, на первый взгляд, контрастирует с первой, хотя и сама контрастна. В ней читателю представлен новый портрет Серафима. С одной стороны, перед нами серьезный монах: «Волосы были гладко причесаны, в глубоких морщинах незаметно было крови от укушения лесных комаров, белоснежная полотняная рубаха заменяла заношенную сермягу»; Серафим ведет себя чинно – кланяется приходящим, просит у них прощения и отправляется на исповедь. Но его серьезный образ разрушается деталями: в келье стоит мешок с сухарями (высушенными просфорами), Серафима раздает их «пригоршнями», «лицо от-

шельника было радостное», к гостям он обращается со словами «Кушайте, кушайте, светики мои» – перед нами снова простой и радушный хозяин, доброта и открытость которого не зависят от окружающей обстановки. «Келейный портрет» Серафима как бы совмещает в себе радушие «лесного отшельника» и благообразие «монастырского лика» старца из третьей сцены.

Третью встречу с Серафимом можно назвать кульминационной. И это уже «настоящий» Серафим – в «служебной епитрахили» и торжественной обстановке церкви. Вместо испуганного, бегущего, прячущегося человека мы видим статного и красивого: «В глазах его, больших и голубых, горел блеск ума и мысли. Он медленно сходил со ступеней паперти и, несмотря на прихрамывание и горб на плече, казался и был величаво прекрасен». В «лесной сцене» подчеркнута детская простота «лесного старика», в «церковной сцене» – величие святого.

Четвертая встреча с Серафимом носит скрытый драматичный характер и открывает перед нами нового Серафима – прозорливца. Она снова происходит в келье старца, однако детали обстановки – гроб [в келье Серафим хранил гроб для своего погребения – Ю. Ш.] и горящие церковные свечи – делают всю сцену пугающей для восприятия рассказчика-ребенка. Нам снова описано лицо героя, но в этот раз оно «бледное», «бескровное», «глаза смотрели куда-то вдаль». Старец безмолвно показывает взглядом одному из родственников рассказчицы на гроб и произносит: «В Покров». Эта молчаливая печальная сцена завершается подробным авторским комментарием – рассказом о сбывшемся пророчестве «батюшки Серафима», когда на Покров умирает ее дядя. Таким образом, рассказ маленькой девочки о путешествии в Саров завершается как типичное «свидетельство о прижизненных встречах»: паломники приехали в монастырь с запросом «послушать и посмотреть», ответ на запрос получен – ребенок сохранил на всю жизнь воспоминания, семья впечатлилась Серафимом, дядя узнал о скорой смерти.

Заключение

Взгляд автобиографического героя текста Н. Аксаковой отличается от позиции осознанного паломника очерковой литературы своей наивностью: мы видим мир глазами ребенка. Взрослый паломник точен в деталях и описании местности,

мотивирован, знает, что ищет, он выстраивает свой текст по хронологии самого путешествия, наполняет его фактами, делает выводы. Автобиографический герой Н. Аксаковой – путешественник непреднамеренный, это случайный зритель, оказавшийся в дальнем путешествии по воле родителей. Героиня рассказа, маленькая девочка, запомнила лишь обрывки поездки – дорогу, деревенские избы, монастырь, лес, прячущегося в траве старика. Она несведущий и неточный зритель, открывающий для себя «неведомые земли». Она видит мир неравномерно: то в больших объектах (обед в трапезной, «нескончаемые переходы» гостиницы, высокие сосны в лесу) и событиях (бег по песку, в траве прячется старик), то детально рассматривает «мелочи» (отслеживает меняющиеся черты лица и одежды Серафима). Мир мелькает перед паломницей-девочкой, и она испытывает удивление, трепет, страх, смеется.

Автор склеивает детские картинки из далекого прошлого в единое художественное полотно: растягивает вступительную «очерковую» часть, медленно подводит к встрече с «лесным отшельником», смешит читателя, играет с образом Серафима, делая его то испуганно-комичным, то ангельски-добродушным, то по-учительски серьезным, то печально-отрешенным. Взрослый автор расставляет нравственные акценты, делает выводы, придает воспоминаниям ребенка стилистически окрашенную форму (использует инверсии, сложные синтаксические конструкции, перифразы и, наоборот, избегает «детского» языка). «Важна не детская точка зрения сама по себе и не авторская позиция (или позиция взрослого персонажа), но соотношение, взаимокорректировка этих восприятий. В каждом рассказе всегда есть две точки зрения, детская и авторская, их соотношение, игра между ними. Ребенок (особенно маленький) видит мир по-другому, еще не опираясь на общепринятые нормы и условности, только открывает его для себя. И читатель как бы приглашается исследовать мир вместе с ребенком, видеть в обычном непривычное и новое»¹.

Сведения биографического характера (имена родственников, отсылка к семейной истории) не делают данный текст собственно автобиографическим очерком: «При создании произведения

автобиографические элементы подвергаются художественной трансформации и становятся событием художественного мира» [9, с. 224]. Перед нами полноценное художественное произведение, где «Я» героя и «Я» автора не равны друг другу. «Для анализа того, как передается детское мировосприятие в художественном тексте, можно воспользоваться понятием «точка зрения». Имеется в виду позиция, с которой рассказывает некая история или с которой воспринимается событие героем повествования. <...> Точка зрения в эпическом произведении – положение «наблюдателя» (повествователя, рассказчика, персонажа) в изображенном мире (в том или ином времени и пространстве, в той или иной социально-идеологической и языковой среде)»². «Я» повествователя не стоит для него на первом месте, автор смотрит не столько на себя и свое поведение, сколько в целом на то далекие события, которые помнит его внутреннее «Я» ребенка, поэтому автобиографическое начало текста не делает его формой автоинтерпретации, самоизображения и самопознания автора, автобиографизм не переходит в автопсихологизм [10]. Интересно, что «Я»-позиция совсем не проявлена со стороны повествователя, вместо нее – «Мы» («наша семья», «мы дети», «мы богомольцы»): «Я» ребенка словно не выделено из семейного круга.

Данный текст совмещает элементы трех жанровых форм – паломнического очерка, автобиографического художественного рассказа и околоцерковных «свидетельств очевидцев». Образ Серафима Саровского, центральный в произведении, показан с позиции наивного автобиографического героя-ребенка и потому лишен агиографической трафаретности. Этот образ – пример того, как русская литература постепенно отходила от шаблонов и училась реалистично изображать святого, видеть в нем уникального, но и обычного, реального человека. Кроме того, автобиографическое повествование Н. Аксаковой сохранило не только детские впечатления автора от встречи с Серафимом Саровским, но и невольно зафиксировало настроение русского общества далекой эпохи с его тягой к монастырям, внутренним запросом на чудо и духовное общение с подвижниками благочестия.

¹ Лапонина Л. В. Мир глазами ребенка в рассказах А. П. Чехова 1880-х гг. // Русская словесность. 2005. № 8. С. 26.

² Там же. С. 24.

1. Александрова-Осокина О. Н. Паломническое путешествие в русской литературе 1800–1860-х гг.: русский образ святой земли : монография. Хабаровск, 2014. 275 с.
2. Александрова-Осокина О. Н. «Священный хронотоп» в паломнической прозе (Яффа глазами русских богомольцев XIX в.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2016. № 11 (65). С. 10–14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyaschennyu-hronotop-v-palomnicheskoy-proze-yaffa-glazami-russkih-bogomoltsev-xix-v> (дата обращения: 10.09.2023).
3. Власова Е. Г., Ведерников А. П. Травелог в истории литературного открытия Урала: к вопросу о роли жанра в структуре локального текста // Уральский исторический вестник. 2019. № 2 (63). С. 143–149. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38166730> (дата обращения 10.09.2023).
4. Ефимовский Е. Жанровая специфика травелога // Art Logos. 2021. № 1 (14). С. 79–91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovaya-spetsifika-traveloga> (дата обращения: 21.09.2023).
5. Константинова Н. В. Феномен читателя в русских травелогах XIX в. // Научный диалог. 2019. № 4. С. 141–153. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-4-141-153>
6. Коржикова Н. В. Приемы композиционно-синтаксического анализа дискурса травелога (на материале анализа травелогов о путешествии по Якутии) // Вестник Северо-восточного Федерального университета. 2020. № 4 (78). С. 59–71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priemy-kompozitsionno-sintaksicheskogo-analiza-diskursa-traveloga-na-materiale-analiza-travelogov-o-puteshestvii-po-yakutii> (дата обращения: 28.08.2023).
7. Лазарев А. В. Паломнический травелог: жанрово-видовая идентификация // Известия ВГПУ: Филологические науки. 2019. № 5 (138). С. 215–219. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/palomnicheskii-travelog-zhanrovo-vidovaya-identifikatsiya> (дата обращения: 10.09.2023).
8. Моторина А. А. Паломнические хождения ко святым местам с посещением горы Афон в русской литературной традиции // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2019. № 2 (20). С. 1–3. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38583279> (дата обращения: 22.09.2023).
9. Ковалева Е. К. Термин автобиографизм в современном литературоведении / Вопросы русской литературы. 2013. № 26 (83). С. 224–231. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/termin-avtobiografizm-v-sovremennom-literaturovedenii> (дата обращения: 12.09.2023).
10. Янковская Л. С. Автобиографизм или автopsихологизм? К вопросу авторского присутствия в художественном повествовании // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18. № 1. С. 87–91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtobiografizm-ili-avtopsihologizm-k-voprosu-avtorskogo-prisutstviya-v-hudozhestvennom-rovestvovanii> (дата обращения: 22.09.2023).

Статья поступила в редакцию 18.10.2023 г.; одобрена после рецензирования 20.11.2023 г.; принята к публикации 19.12.2023 г.

Об авторе

Шеваренкова Юлия Михайловна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского (603090, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37), ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-7491-7143>, shevarenkova@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Aleksandrova-Osokina O. N. Palomnicheskoe puteshestvie v russkoi literature 1800–1860-kh gg.: russkii obraz svyatoi zemli : monografiya [Pilgrimage journey in Russian literature of the 1800–1860s: Russian image of the Holy Land: monograph]. Khabarovsk, 2014, 275 pp. (In Russ.).
2. Aleksandrova-Osokina O. N. “Svyashchennyi khronotop” v palomnicheskoi proze (Yaffa glazami russkikh bogomol'tsev XIX v.) [“Sacred chronotope” in pilgrimage prose (Jaffa in the eyes of Russian pilgrims of the 19th century)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philology. Theory & Practice, 2016, no. 11 (65), pp. 10–14. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyaschennyu-hronotop-v-palomnicheskoy-proze-yaffa-glazami-russkih-bogomoltsev-xix-v> (accessed 10.09.2023). (In Russ.).
3. Vlasova Ye. G., Vedernikov A. P. Travelogi v istorii literaturnogo otkrytiya Urala: k voprosu o roli zhanra v strukture lokal'nogo teksta [Travelogues in the history of the Urals' literary discovery: on the question of the genre role in the local text structure]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* = Ural Historical Journal. 2019, no. 2 (63), pp. 143–149. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38166730> (accessed 21.09.2023). (In Russ.).
4. Efimovskiy E. Zhanrovaya spetsifika traveloga [Genre specifics of travelogue]. *Art Logos*, 2021, no. 1 (14), pp. 79–91. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovaya-spetsifika-traveloga> (accessed 21.09.2023). (In Russ.).

5. Konstantinova N. V. Fenomen chitatelya v russkikh travelogakh XIX v. [Phenomenon of reader in Russian travelogues of 19th century]. *Nauchnyi dialog* = Scientific Dialogue, 2019, no. 4, pp. 141–153. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-4-141-153>

6. Korzhikova N. V. Priemy kompozitsionno-sintaksicheskogo analiza diskursa traveloga (na materiale analiza travelogov o puteshestvii po Yakutii) [Methods of composition-syntactic analysis of travelogue discourse (on the material of travelogue analysis on traveling in Yakutia)]. *Vestnik Severo-vostochnogo federal'nogo universiteta* = Bulletin of the North-Eastern Federal University, 2020, no. 4 (78), pp. 59–71. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/priemy-kompozitsionno-sintaksicheskogo-analiza-diskursa-traveloga-na-materiale-analiza-travelogov-o-puteshestvii-po-yakutii> (accessed 28.08.2023). (In Russ.)

7. Lazarev A. V. Palomnicheskii travelog: zhanrovo-vidovaya identifikatsiya [Pilgrimage travelogue: genre and form identification]. *Izvestiya VGPU: Filologicheskie nauki* = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University: Philological Sciences, 2019, no. 5 (138), pp. 215–219. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/palomnicheskii-travelog-zhanrovo-vidovaya-identifikatsiya> (accessed 10.09.2023). (In Russ.)

8. Motorina A. A. Palomnicheskie puteshestviya ko svyatyim mestam s poseshcheniem gor Afon v russkoi literaturnoi traditsii [Peregrinations to holy places with a visit to the mountain Athos in Russian literary tradition]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo* = Memoirs of NovSU, 2019, no. 2 (20), pp. 1–3. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38583279> (accessed 22.09.2023). (In Russ.)

9. Kovaleva E. K. Termin avtobiografizm v sovremennom literaturovedenii [The term autobiography in modern literary criticism]. *Voprosy russkoi literatury* = Questions of Russian Literature, 2013, no. 26 (83), pp. 224–231. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/termin-avtobiografizm-v-sovremennom-literaturovedenii> (accessed 12.09.2023). (In Russ.)

10. Yankovskaya L. S. Avtobiografizm ili avtopsikhologizm? K voprosu avtorskogo prisutstviya v khudozhestvennom povestvovanii [Autobiography or autopsychology? To the issue of the author's presence in the fiction narration]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Filologiya. Zhurnalistika* = Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2018, vol. 18, no. 1, pp. 87–91. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtobiografizm-ili-avtopsikhologizm-k-voprosu-avtorskogo-prisutstviya-v-khudozhestvennom-povestvovanii> (accessed 22.09.2023). (In Russ.)

The article was submitted 18.10.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 19.12.2023.

About the author

Yuliya M. Shevarenkova

Ph. D. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Literature, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (37 B. Pokrovskaya St., Nizhny Novgorod 603090, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-7491-7143>, shevarenkova@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.